

Кай Элерс

Социальная политика Медведева: перед второй фазой приватизации

Тезисы для дискуссии

Став президентом, Дмитрий Медведев ориентируется на такой ежегодный темп роста, который должен превысить достигнутую при Путине планку в 7 процентов. При этом он хочет активно вложиться в «развитие социальной сферы»: иностранному капиталу он собирается предоставить оптимальные возможности для инвестиций, во внутренней политике – сконцентрироваться на «четырёх И» (институтах, инфраструктуре, инновациях, инвестициях) и при этом осуществлять четыре принятых при Путине «национальных проекта», т.е. программы по развитию жилья, образования, здравоохранения и аграрного хозяйства. Для реализации такого пути страна нуждается в законопослушных гражданах и свободной прессе. Высшая цель действий власти заключается соответственно в гарантиях и защите частной собственности. «Свобода лучше, чем несвобода», заявил Медведев, понимая под этим «свободу во всех областях: личную свободу, экономическую свободу и, наконец, свободу самореализации».

После таких заявлений многие люди в России и на Западе приветствовали Медведева как либерала. Однако тем, кто хочет поточнее понять, чего можно ожидать, следует посмотреть немного назад: Путин тоже пришел с обещанием модернизировать экономику, поощрять благосостояние и свободу. Он консолидировал ельцинскую приватизацию, легитимировав возникшие при этом анархистские отношения собственности. Создав консенсус вокруг «спасения России», он одновременно подчинил их государственному контролю, из-под которого они ушли после Горбачева и Ельцина. Это означало восстановить минимум социальной ответственности, конкретно – обязать предприятия снова платить налоги и зарплаты. Кульминацией этого развития стал арест и приговор нефтяному магнату Михаилу Ходорковскому в 2004 году. Тем самым Путин достиг сразу нескольких целей: стабилизировал достигнутый уровень приватизации, дисциплинировал безудержное частное обогащение, восстановил контроль государства над стратегически важными сферами, в частности, распоряжение ископаемыми ресурсами (не отходя в принципе от приватизации!), и одновременно дал населению почувствовать минимальный подъем.

Попытки Путина распространить приватизацию на социальную и жилищно-коммунальную сферы остались в первой половине его правления в значительной степени нерешительными, нескоординированными, и не принесли результата из-за отсутствия механизма реализации и сопротивления в регионах. Настоятельно необходимая реформа пенсионной системы, оказавшей в результате распада производственных общностей в подвешенном состоянии, не состоялась. Всеобщие бесплатные, точнее дотационные системы строительства, здравоохранения и образования деградировали, превратившись в частные игровые лужайки для нуворишей. Развалу подверглись сельскохозяйственные предприятия. Когда Путин и правительство в конце 2004 года, после ареста Ходорковского, т.е. после завершившегося перераспределения народной собственности, решили все же взяться за приватизацию социальной и коммунальной сферы, им пришлось отступить перед лицом всеобщих протестов. Пусковым механизмом протестов стало принятие Думой весной 2005 года закона, «монетизировавшего» предоставлявшиеся ранее определенным социальным группам бесплатные льготы в таких областях, как жилье, транспортные услуги, лекарственное

обеспечение, культурный досуг. Произошло то, чего никто не ожидал: широкая протестная волна, инициированная в крупных центрах - Москве, С.-Петербурге, Новосибирске – пенсионерами, усмотревшими в этом законе ликвидацию социальных льгот, распространилась вплоть до самой глубинки. Правительство отступило, «монетизация» льгот и дотаций ограничилась полумерами.

Путин реагировал быстро – еще до того, как его имидж стабилизатора мог потерпеть серьезный ущерб. Уже осенью 2005 года он представил предложения по развитию рынка «доступных квартир», помощи сферам здравоохранения и образования, а также сельскому хозяйству – в виде «национальных программ». Кроме того были заявлены подходы к реформированию пенсионной системы и поощрению семейной политики через детские пособия и другие льготы. Стержнем путинской программы стала государственная система кредитования, которая в новом бюджете должна была повысить в расходы в коммунальном хозяйстве на 200 процентов, в здравоохранении – на 80, хотя оборонные расходы демонстративно повышались лишь на 20 процентов. Медведеву была поручена реализация этих программ. В декабре 2007 года – перед выборами – Медведев заявил, что собирается в 2008 году увеличить вложения в «социальную сферу», составлявшие в 2006 году 230 миллиардов рублей, до 300 миллиардов рублей (8,4 млрд. евро).

Им обоим, можно сказать, повезло: из ряда вон выходящий рост нефтяных цен позволил накачать созданный в 2004 году стабилизационный фонд до 127,48 млрд. долларов – «фантастической для России суммы», по выражению российского аналитика Бориса Кагарлицкого. Одновременно валютные резервы Центрального Банка достигли рекордного уровня в 417,30 млрд. долларов. Эти предпосылки позволили сделать первые шаги по санации четырех вышеупомянутых областей: кредиты для строительства и покупки «доступного жилья», повышение зарплат врачам и учителям, повышение общего уровня заработной платы, пенсий и стипендий, предложения по кредитам в сельском хозяйстве.

Провозглашение Путиным осенью 2005 года национальных проектов стало, таким образом, удачной популистской акцией, которая предназначалась для того, чтобы заставить забыть о том, что действительно планировалось, и смогла этого добиться, а «добавка» Медведева» незадолго до выборов стала хорошей приманкой для голосов избирателей. Если подводить итоги второго президентского срока Владимира Путин, то как считает Кагарлицкий, не замеченный в особых симпатиях к Путину, его можно «рассматривать как самого успешного правителя России». Общий уровень жизни, по его мнению, вырос и «даже люди с невысокими доходами смогли почувствовать некоторое облегчение». Проблема путинской социальной политики заключается, по его мнению, уже не в уровне заработка, как во времена Ельцина, когда годами не выплачивались зарплаты, пенсии или стипендии, а области коммерциализации социальной и коммунальной сфер, которая привела к «стремительному росту расходов населения».

Вывод Кагарлицкого в отношении социальной политики Путина: «В целом давление рыночного хозяйства на среднюю российскую семью постоянно растет через рост цен в повседневной жизни и не оставляет ей шанса улучшить свое финансовое положение в ближайшем будущем – несмотря на экономический подъем». Имеется в виду быстрый рост расходов на квартиру, телефон, транспорт, медицинские услуги, образование и т.д. Проблема заключается в следующем: «Время расцвета прошло мимо трудящегося населения». Причиной растущего недовольства является уже не прямая нужда, а проблема распределения, неравного участия в растущем благосостоянии.

С учетом этого становится очевидным, что даже фантастические доходы от экспорта нефти и газа оказались недостаточными для финансирования «национальных программ» вместе с увеличением пенсий и (необходимой по демографическим причинам) поддержкой семьи, не говоря уже об активной борьбе с бедностью, цели которой, согласно данным министерства экономического развития, ограничились снижением числа людей, живущих ниже черты бедности, с 14 процентов (в 2006 году) до 9 (в 2010). К тому же не вся валюта, приходившая в стабилизационный фонд и Центральный банк по экспортным сделкам, могла непосредственно выбрасываться на денежный рынок для мотивации учителей, врачей и других средних слоев – это привело бы к неконтролируемому разогреву инфляции, которую за последние годы с таким трудом удалось снизить до уровня 6-7 процентов, и падению общего уровня относительного благосостояния.

Очевидно, что следует искать другие, дополнительные пути – кроме простого монетарного поощрения «социальной сферы». И эти поиски велись. При этом проявились парадоксы, напоминающие о том, что Россия никогда не была и не является сейчас капиталистической страной; ныне она вступает в новый раунд борьбы - может ли она вообще быть и станет ли она таковой.

Немецкие аналитики, к примеру, пишут: "Реагируя на ограниченность возможностей государства, Путин уже давно требует усиления "социальной ответственности" экономики. На практике это выглядит так, что бывшие (или все еще или вскоре снова) госпредприятия снова берут на себя социальную инфраструктуру, от которой они уже отказывались в 1990-е годы в рамках их модернизации и рыночной ориентации. В середине декабря нефтяная компания Лукойл и губернатор Ханты-Мансийского региона заключили соглашение, предусматривающее строительство и реконструкцию социальных объектов, таких как жилья, медицинских, образовательных и спортивных учреждений, а также объектов ЖКХ. Лукойл инвестирует в эту программу 38 млн. евро, а расходы региона на социальную инфраструктуру ограничиваются 15 млн. евро".

Очевиден парадокс: для продвижения "национальных проектов", которые должны способствовать приватизации коммунального сектора, приходится прибегать к помощи тех общественных структур, которые, как полагали, будут на стадии приватизации заменены денежной экономикой.

Подобная трещина в рыночном фасаде проявилась в аграрном отрасли. Не вдаваясь в подробности, укажем лишь на один аспект, отражающий современное положение и общий характер аграрного сектора: Согласно последней статистике, т.н. подсобные семейные хозяйства занимают в России лишь 6,7 процента сельскохозяйственных угодий, поставляя 50 процентов сельхозпродукции. Чтобы понять, что это означает, надо посмотреть, что скрывается сегодня за понятием подсобных семейных хозяйств: это возделывание участка земли, огород в деревне, дача горожан или участка в пригороде, благодаря которым семья удовлетворяет свои основные потребности в растительной пище. Часто там получают еще и яйца, молоко и мясные продукты собственного производства.

Эта форма хозяйства вовсе не является только реликтом советского времени или, например, продуктом посюветской кризисной экономики. Это - элемент российской жизни, который был заимствован большевиками из царского времени и интегрирован в строительство индустриального общества. Подсобные семейные хозяйства и после 1917 года оставались базисной структурой производственно-экономических циклов вплоть до конца Советского

Союза и остаются таковой и сегодня, как показывают последние данные по аграрному сектору. По оценкам, 60 процентов населения, или 16 миллионов семей держат и обрабатывают сегодня такие садовые участки. В такой структуре народной экономики заключена причина того, что российское население сумело выжить в условиях глубокого кризиса без голодной катастрофы.

У дачи, кроме того, есть и другие функции. Дачный участок возделывается, как правило, более старшими членами семьи, на нем они и живут, пока это позволяет погода. Дети также часто туда приезжают. Это снимает нагрузку со слишком тесных квартир и дает среднему поколению возможность спокойно заниматься своей работой. В условиях монетизации целые семьи переезжают на дачи, сдавая свои приватизированные городские квартиры, содержание которых становится для них слишком дорогим.

По-видимому, замена традиции дополнительного семейного хозяйства рыночно-ориентированной экономикой потребления, удовлетворяющей свои потребности в супермаркетах, становится на этом фоне не только экономической проблемой. Это кроме всего прочего еще и вопрос образа жизни, который, подобно базирующимся на предприятиях коммунальным структурам, неотрывно связан с традициями жизни с преобладанием общественной собственности.

Подобные трещины между рыночными претензиями и реальностью обнаруживаются и в других "национальных проектах". Основная проблема в жилищной сфере заключается, например, в том, что с самого начала параллельно с законом не были запущены адекватные программы содействия для модернизации общественной собственности. Конкретно это привело к отсутствию строительства социального жилья, товариществ собственников, системы строительных сберкасс, товариществ арендаторов и т.д., которые были бы способны заменить прежние структуры коллективной собственности. Дополнительные кредиты «национального проекта» стабилизировали в таких условиях квартирный рынок лишь как излюбленный объект спекуляций.

Отдельно следовало бы поговорить о сферах образования и здоровья, а также о пенсионной реформе, программах содействия молодежи и семьям. Везде наряду с финансовыми проблемами проявляются структурные, которые нельзя решить с помощью простой «монетизации», т.е. перевода льгот и доплат в финансовые компенсации. Решение требует проектов, в которых общественно-хозяйственные структуры могли бы по-новому соединиться с частной собственностью и самоопределением.

На таком фоне заявления Медведева смотрятся иначе. Очевидной становится решимость российского руководства ускоренно капитализировать «социальную сферу». Эта ориентация вполне соответствует доктринам зон свободной торговли и приватизации ВТО, ЕС, МВФ с их линией на облегчение частных инвестиций в жилищный сектор, приспособление систем образования к нормам ЕС, коммерциализацию сферы услуг, поддержку аграрной индустрии в ущерб традиционному сектору подсобных хозяйств и, наконец, на окончательную и повсеместную ликвидацию системы льгот и преференций.

По результатам бесед, проведенных мной в трех регионах – Москве, Тарусе/Калуге и Чебоксарах, хотел бы резюмировать следующее:

1. Модернизационная программа Медведева укладывается, как и у его

предшественников Горбачева, Ельцина, Путина, в типичную для России схему реформы сверху: толчки модернизации всегда исходили в России от реформ сверху. Это соответствует исторически обусловленной основной структуре российской экономики, которую можно охарактеризовать как традиционно бюрократически управляемую и обладающую общественно-хозяйственным базисом. Оценка, данная в свое время Марксом и Энгельсом, звучит так: азиатский способ производства.

2. В то же время проявляется и то, что приватизация коммунальных и социальных структур и в новых условиях не может быть просто декретирована или куплена простым расширением программ кредитования. Она может быть развита лишь на основе интенсивного, по-настоящему устойчивого социального диалога между верхами и низами, в ходе которого станет ясно, что может и хочет поддержать население, связанное с коллективно-хозяйственной традицией.
3. Такой социальный диалог пока еще не начат или находится на зародышевом уровне. Приватизация жилищной сферы, образования и здравоохранения все еще воспринимается как разрушение возникших структур социального обеспечения и раскол общества на богатых и бедных – медицинские программы для богатых, квартиры по заоблачным ценам, образование только по благу или за деньги, даже за взятки, вымирание деревни. Характерные черты – «борьба за дома» в Москве, до сих пор не понятая населением, бюрократическая монетизация в мелких городах, как Таруса или растущие «ножницы» между плохим медицинским обслуживанием на селе и бумом новых клиник в таком городе, как Чебоксары.
4. При отсутствии социального диалога национальные проекты, включая монетизацию, лишь воспроизводят существующие структуры бюрократии и разрыв между верхами и низами. Доступность легких кредитов способствует в условиях социальной апатии большинства населения распространению коррупции и спекуляции (в строительстве, здравоохранении, образовании и аграрном секторе), а также ведет к опасной для будущего задолженности.
5. Стержнем социальной политики, включая модернизацию крупного производства и развитие широкой деятельности мелких и средних предприятий, становится в таких условиях необходимость образовательного наступательного, нацеленного на поощрение индивидуальной компетенции, инициативности, которые бы заменили, наполнили жизнью бюрократические управленческие структуры.
6. Недавно принятая система ЕГЭ, ориентирующая образование на стандарты ВТО и Болонского процесса ЕС, подменяет развитие индивидуальной социальной компетенции стандартизированным обучением и рудиментарным базовым образованием большинства населения, укрепляя, таким образом, традиционную структуру верхи-низы.
7. Необходима такая образовательная политика, которая бы восприняла принцип плюрализма (исходя из плюрализма собственности, этносов, культур и географии России – вплоть до предлагаемой сейчас Россией многополярности международных отношений в качестве альтернативы нынешнему миропорядку) как глубинный российский импульс и соединила его с общим, международно-применимым стандартом. Это могло бы стать тем шагом, который выведет Россию за рамки простой копии западного капитализма.